

Мнения историков (на основе справочника В.В. Барабанова)

Warning: при использовании материалов для написания исторических сочинений следует быть внимательными и учитывать, что в подборке приводятся мнения не только по конкретным правителям, но и по целым периодам, а также историческим явлениям и процессам. Поэтому стоит вдумчиво применять нижеприведённые точки зрения и не цитировать просто ради самого цитирования.

Например, если у вас сочинение по **отдельной личности**, то нет необходимости давать оценку **всей эпохе**. И наоборот, если сочинение по «кроссвременному» периоду, то оценить нужно всё время в целом, а не одну-две персоналии, которые вам понравились больше, чем остальные.

О феодальном землевладении	Время появления феодального землевладения остаётся в исторической науке предметом споров. Проблема зарождения феодализма и формирования социальных отношений вызывала дискуссии с конца 20-х гг. XX в. и была центральной в работах Б.Д. Грекова, С.В. Юшкова. Изучение этой проблемы в последующие годы Б.А. Рыбаковым, Л.В. Черепниным и другими учёными выявило расхождение в понимании влияния «феодальных факторов» на развитие общества, его структуры, внешних и внутренних условий формирования зависимого населения. Многие разделяют мнение Л.В. Черепнина о разложении первобытнообщинного строя у восточных славян в VIII–IX вв. и постепенном утверждении на протяжении X – первой половины XI в. раннефеодальных отношений. Согласно этой точке зрения, во второй половине XI–XII в. завершается становление всех основных социально-экономических и политических институтов феодального общества. Другая точка зрения связана с именем И.Я. Фроянова, который считает, что в Древнерусском государстве существовало по крайней мере два социально-экономических уклада: свободные общинники и значительный слой рабов. Большинство же историков полагают, что Киевская Русь – раннефеодальное государство, сочетавшее в себе элементы феодализма и пережитки первобытнообщинного строя.
Об образовании государства у восточных славян	В исторической науке с XVIII в. не утихают споры об образовании государства у восточных славян. В 30—60-е годы XVIII в. немецкие учёные И.Г. Байер и Г.Ф. Миллер, работавшие в Петербургской Академии наук, в своих трудах впервые попытались доказать, что Древнерусское государство было создано варягами. Этим они положили начало норманнской теории происхождения государства на Руси. Крайним проявлением этой концепции является утверждение, что славяне в силу своей неполноценности не могли создать государства, а без иноземного руководства были не в состоянии управлять им. Против этой теории выступил М.В. Ломоносов, которому

императрица Елизавета Петровна поручила написать историю России. С тех пор борьба норманнистов и антинорманнистов (их ещё называют славянофилами) не утихает.

Норманнисты единодушны в двух принципиальных вопросах. Во-первых, они утверждают, что норманны добились господства над восточными славянами путем внешнего военного захвата или с помощью мирного покорения (приглашения княжить); во-вторых, они считают, что слово «русь» норманнского происхождения.

Антинорманнисты же уверены, что это термин доваряжского происхождения, восходящий к глубокой древности. Советские исследователи М.Н. **Тихомиров**, Д.С. **Лихачёв** считали, что летописная запись о призвании варяжских князей появилась позже, для противопоставления двух государств – Киевской Руси и Византии.

Согласно А.А. **Шахматову**, варяжские дружины стали называться «русью» после того, как они продвинулись на юг, туда, где жили славяне.

В настоящее время ясно, что научные результаты этих двух теорий в каком-то смысле являются тупиковыми, так как ни одна из этих школ не может точно определить, какой этнос стоит за названием «русь».

В науке существуют разные мнения об основах происхождения государства. В XVIII в. В.Н. **Татищев** выводил развитие государственной власти из семейной. В дальнейшем этой концепции придерживались и норманнисты, и славянофилы. Позднее многие историки решили, что такой ход государственного строительства на обширной территории со множеством разноразличных народов представляется сомнительным. И.В. **Киреевский** считал государственность естественным развитием народного быта. По его мнению, маленькие сельские общины сливались в более крупные – областные, племенные и т. д. А из них уже слагалось общее объединение русских земель.

В отличие от многих исследователей, И.Я. **Фроянов** выдвигает концепцию, по которой Русь, по крайней мере до конца X в., – ещё не государство, а племенной союз, то есть переходная к государственной организации форма, соответствующая этапу военной демократии. Дань он рассматривает не как вид феодальной ренты, а как военную контрибуцию, наложенную на покорённые племена в пользу наиболее сильных князей. Само же государство (Киевская Русь) вырастает в XI–XII вв. на общинной основе и принимает общинную форму «городских волостей – государств». Князья и знать (как связанная с князьями, так и земская) в своей политической деятельности выражают интересы и потребности значительной части общества таких государств. Взаимодействие князя со своей дружиной и боярами долго сохраняло архаичные черты и во многом носило дофеодальный характер.

Л.В. **Черепнин** предложил концепцию государственного феодализма в Киевской Руси. Он исходил из того, что дань собиралась с крестьянского населения как феодальная рента. Отсутствие феодальных вотчин компенсировалось распределением дани среди дружинников.

О периоде раздробленности	Как причины, так и сам характер раздробленности исследователи в разное время раскрывали по-разному. Историки досоветского периода говорили не о феодальной раздробленности, а о распаде Киевской Руси как государства. По оценкам Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, этот период был своего рода смутой, «временем тёмным, молчаливым». В.О. Ключевский, характеризуя Русь того времени, говорил об «удельном строе», часто называл этот период «удельными веками». Эта терминология указывала прежде всего на государственную децентрализацию в результате наследственного деления земель и власти внутри княжеского рода. Он считал, что удельные века – это время переходное, время тяжёлых испытаний, следствием которых был переход от Руси Киевской к Руси Московской. Ключевский указывал, что в этот период, несмотря на кризис центральной власти, на северо-востоке Руси шёл процесс создания нового этноса – русских на основе единства языка, религии, традиций и менталитета. С укоренением в отечественной исторической науке формационно-классового подхода раздробленность получила определение феодальной, её стали рассматривать как закономерный этап в поступательном развитии производительных сил, единый для Западной Европы и других стран. Согласно формационной схеме, феодализм предполагает замкнутость хозяйственно-политических структур. Таким образом, главные причины раздробленности сводятся к экономическим (базисным) и выражаются в следующем: 1. Господство замкнутого натурального хозяйства, что было связано с отсутствием товарных, рыночных отношений; 2. Укрепление феодальной вотчины, игравшей организующую роль в развитии сельскохозяйственного производства. Вместе с тем исследователи обращали внимание на то, что на формирование земельных отношений в Древней Руси влияли такие факторы, как наличие общинного землепользования и огромный фонд свободных земель. Это сдерживало процесс феодализации общества, а следовательно, феодальные отношения не столь ощутимо влияли на распад Киевской Руси. Отечественные историки пытались увидеть в раздробленности русских земель более высокий этап в развитии феодального строя, но вместе с тем не отрицали негативных последствий утраты государственного единства Руси: ожесточённые княжеские усобицы, которые ослабляли Русь перед лицом возраставшей внешней угрозы. С оригинальным объяснением причин раздробления государства выступил Л.Н. Гумилёв. По его концепции, оно стало результатом спада пассионарной энергии (стремление к обновлению и развитию) в системе древнерусского этноса.
Об отношениях между Русью и Ордой	Одним из самых полемичных в отечественной исторической науке является вопрос об отношениях между Русью и Ордой, о степени тяжести так называемого ордынского ига и его последствиях для хода русской истории. Имеющиеся источники, а вслед за ними и историки описывают несчастья и разорения, обрушившиеся в эти годы на Русь. Русско-ордынские отношения были весьма непростыми, но было бы неверно сводить их только к тотальному давлению на Русь.

	Н.М. Карамзин первым из историков высказал мысль о наличии определённых положительных для Руси последствий власти Орды, благодаря которым была якобы быстрее изжита раздробленность, возродилась монархия, а Москва, по его мнению, была «обязана своим величием ордынскому хану». В.О. Ключевский также полагал, что без Орды «князья разнесли бы Русь в клочья» своими усобицами. Большинство историков вслед за С.М. Соловьёвым разделяло точку зрения, согласно которой монгольское влияние на Русь было невелико, а разрушения и грабежи, чинившиеся ханами, – не столь уж серьёзными. С другой стороны, Н.И. Костомаров и другие исследователи указывали на значительность этого влияния главным образом на русское право и на формирование «единодержавия». Попытку более взвешенного рассмотрения последствий ига предпринял К.Н. Бестужев-Рюмин, который разделил их на «прямые» (убийства, грабежи, разрушения ит.п.) и «косвенные» (задержка культурного развития Руси и её отрыв от европейской цивилизации), причём последние он считал главными. В советской исторической науке возобладала общая негативная оценка взаимоотношений Орды с Русью. Вместе с тем подчёркивалось, что Русь смогла сохранить свою самобытность и даже государственность, так как прямо не была включена в состав Золотой Орды (А.К. Леонтьев). Негативно влияние монголов на русскую историю оценивает А.Л. Юрганов, но и он признаёт, что хотя «непокорных унижительно наказывали... те князья, которые охотно подчинялись монголам, как правило, находили с ними общий язык и даже более того – роднились, подолгу гостили в Орде». Имеются и другие мнения. Так, М.В. Нечкина, а затем и другие историки пытались дать «смягчённую» оценку монгольского нашествия и последующих лет владычества Орды над Русью. Наиболее ярко позиция по этому вопросу была высказана Л.Н. Гумилёвым. Он категорически отвергал само понятие «монголо-татарское иго», называя его мифом. Для большей убедительности своей позиции историки, разделявшие это мнение, обращали внимание, что специфику отношений Орды и Руси составляло то, что угнетение не было прямым: угнетатель жил вдалеке, а не среди покорённого народа. Такая форма зависимости не была направлена на отдельно взятые личные интересы, а связывала их круговой порукой. По мере ослабления Орды угнетение теряло остроту. В современной литературе проблема оценки монгольской и в целом азиатской составляющей русской истории вновь обрела дискуссионный характер в свете концепции «евроазиатской» сущности российской цивилизации.
О Данииле Галицком, Александре Невском и Орде	Выдающийся русский историк Г.В. Вернадский писал: «Русь могла погибнуть между двух огней в героической борьбе, но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла. Предстояло выбрать между Востоком и Западом». В этой связи разные варианты выбора были представлены деятельностью двух русских князей – Даниила Галицкого и новгородского князя Александра, прозванного Невским. Даниил, по версии Г.В. Вернадского, поначалу лавировал

	между Западом и монголами. Ему удалось получить поддержку Батыея. Однако Даниилу показалось унижительным расположение к нему ордынцев: «злее зла честь татарская», – отразил его чувства летописец. Даниил вступил в переговоры с папой римским, рассчитывая на военную помощь Запада. Всё было тщетно, Галицкий не смог направлять ход исторических событий и с лёгкостью открыл Венгрии, Польше и Литве дорогу на Юго-Западную Русь. Г.В. Вернадский писал, что, «используя Даниила с тыла поддержку монгольской силы, – он достиг бы результатов совершенно непредвиденных и необыкновенных. Он мог просто утвердить Русь и Православие в Восточной и Средней Европе». С другой стороны, князь Александр Невский, заручившись дипломатической поддержкой монголов, подавил все попытки немцев и шведов проникнуть в Северо-Восточную Русь. В некоторых публикациях подчинение Александра Орде рассматривается как предательство христианского мира. Эта позиция является прозападнической.
О возвышении Москвы	Вопросу образования централизованного государства уделяли внимание многие историки. Ему посвятили специальные исследования Л.В. Черепнин, А.М. Сахаров, А.А. Зимин и многие другие. Философов в рассмотрении этой проблемы прежде всего интересовала взаимосвязь русского характера и созданной русскими огромной и могущественной державы. «В душе русского народа, – писал Н.А. Бердяев в сочинении «Русская идея», – есть такая же необъятность, безграничность, устремлённость в бесконечность, как и в русской равнине». Из Руси родилась могучая Россия. Интересную концепцию развития этого процесса предложил крупный русский историк, философ, богослов Г.П. Федотов. В статье «Россия и свобода» он писал, что Москва своим возвышением была обязана татарофильским, предательским действиям своих первых князей, что воссоединение Руси, создание могучего централизованного государства осуществлялось через насильственные захваты территории, вероломные аресты князей-соперников. Да и само «собираение» уделов, считал Федотов, совершалось восточными методами: местное население уводилось в Москву, заменялось пришлыми и чужими людьми, выкорчёвывались местные обычаи и традиции. Федотов не отрицал необходимости объединения вокруг Москвы, а говорил о «восточных методах» этого процесса. Если Г.П. Федотов акцентировал внимание на «азиатских формах объединения» Руси, то Н.М. Карамзин – на прогрессивном характере самого акта объединения, на свойствах русского характера. Создание Русского государства для него – результат деятельности отдельных князей и царей, среди которых он особо выделял Ивана III. В XIX в. историки уже не столь прямолинейно трактовали процессы создания Русского государства, не сводили его к утверждению самодержавной власти, способной одолеть центробежные силы внутри страны и монгольское владычество. Процесс создания централизованного государства в Восточной Руси рассматривался как определённый итог этнического развития народа.

	Главным было утверждение, что в данный период государственное начало возобладало над вотчинным. Следовательно, развитие государственных институтов власти связывалось с процессами, проходившими в Московской Руси. Само же содержание процесса сводилось к борьбе различных общественно-политических форм и стоявших за ними слоёв населения. Эта схема получила воплощение в трудах С.М. Соловьёва, который придал ей историческую аргументированность, раскрыв внутренние силы развития русской государственности. В.О. Ключевский и его последователи дополнили эту схему изучением социально-экономических процессов, обратившись к выяснению роли «общественных классов». Русское национальное государство выросло, по мнению В.О. Ключевского, из «удельного порядка», из «вотчины» князей – потомков Даниила Московского. При этом он подчеркивал, что неразборчивость московских князей в политических средствах, их корыстные интересы делали их грозной силой. Тем более что интересы московских правителей совпали с «народными нуждами», связанными с освобождением и обретением независимой государственности. Большое внимание преодолению раздробленности Руси и созданию централизованного государства уделял в своих работах Л.В. Черепнин. В монографии «Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках» он затрагивал малоизученный аспект этой проблемы – социально-экономические процессы, подготовившие объединение Руси. Черепнин подчёркивал, что ликвидация «удельных порядков» заняла длительное время и растянулась на вторую половину XVI в., а переломным моментом в этом процессе являются 80-е годы XV в. В этот период идет реорганизация административной системы, разработка феодального права, совершенствование вооружённых сил, формирование служилого дворянства, складывание новой формы феодальной собственности на землю – поместной системы, составившей материальную основу дворянской армии. Некоторые историки, рассматривая особенности образования Московского государства, исходят из концепции русского историка М. Довнар-Запольского и американского исследователя Р. Пайпса, создателей концепции «вотчинного государства». Р. Пайпс полагает, что отсутствие в России феодальных структур западноевропейского типа в значительной мере обусловило специфику многих процессов, происходивших в Северо-Восточной Руси. Московские государи обращались со своим царством так же, как их предки – со своими вотчинами. Возникшее Московское государство в лице его правителей не признавало никаких прав сословий и социальных групп, что явилось основой бесправия большинства населения и произвола властей.
О событиях XVI в.	Во всех событиях XVI в. ощущался переломный характер. Поэтому описания данной эпохи очень противоречивы. В изучении особенностей политического развития России в XVI в. можно выделить несколько наиболее дискуссионных проблем. К середине XIX в. в российской исторической науке твёрдо установилось отношение к царю Ивану IV как к жестокому и злобному тирану. Н.М. Карамзин дал яркое и цельное представление об эпохе этого царя. Он взял на вооружение концепцию «двух Иванов», созданную современником и самым последовательным

оппонентом грозного царя князем Андреем Курбским. Суть её состоит в том, что первое время царь был «добрым и нарочитым», а затем погряз в жестокостях и грехах.

В **новейшей** историографии преобладают **негативные** оценки личности и политики Ивана Грозного. Следует заметить, что поражающая воображение жестокость русского царя была обычным явлением даже для Западной Европы того периода и мало чем отличалась от деспотизма европейских дворов.

В отечественной и зарубежной литературе отсутствует единое мнение относительно **формы государственного правления**, утвердившейся в России. Одни авторы характеризуют её как сословно-представительную монархию, другие – как сословную монархию. Некоторые определяют политическую систему России этого времени как самодержавие, понимая под ним деспотическую форму абсолютизма, приближающуюся к восточному деспотизму.

На позиции исследователей оказывают влияние следующие обстоятельства. Во-первых, негативное отношение к личности и политике Ивана Грозного, начало которой положил Н.М. **Карамзин**; во-вторых, неясность, несовпадение смыслов, заключающихся в самих понятиях «самодержавие», «абсолютизм», «восточная деспотия». Наиболее авторитетная позиция состоит в том, что самодержавие XVI в. является русской национальной формой сословной государственности, в сознании народа сильны православные традиции по отношению к мирской власти вообще как к явлению, имеющему сверхъестественную силу. Таким образом, организация государственной власти в России не может быть отождествлена ни с разновидностями восточного деспотизма, ни с европейским абсолютизмом, во всяком случае до реформ Петра I.

Схожая ситуация сложилась и в изучении деятельности **Земских соборов**, их формирования, функций, взаимоотношений с царём. Сравнение этого института власти с близкими по характеру и деятельности представительными органами Западной Европы не приводит к согласованию позиций историков, так как содержит взаимоисключающие позиции. Представительные органы в России не имели постоянного состава, чётко определённых функций, в отличие от сословно-представительных органов власти европейских стран. Парламент в Англии и Генеральные штаты во Франции возникли как противовес королевской власти и находились, как правило, в оппозиции к ней, а Земские соборы никогда не вступали в конфликт с царём. Эти факты дают возможность некоторым исследователям говорить о неразвитости Земских соборов.

Споры ведутся о смысле и цели **опричнины**. Наиболее авторитетным представляется мнение Р.Г. **Скрынникова**, который отстаивает мысль о том, что **опричнина и её террор не были подчинены единой цели**.

Начавшись как борьба с прежней правящей элитой – князьями, опричнина переросла в конфликт между государственной властью и господствующим сословием в целом. Посредством опричнины царь разделил дворянство и натравил одну группу на другую. Итогом этого явилось утверждение неограниченной личной власти, но была утрачена стабильность монархии. Опричнина привела не только к физическому уничтожению людей, но и к тяжёлым

	экономическим последствиям, к разрушению моральных ценностей и устоев общества. Практически все историки видят в опричнине один из факторов, подготовивших Смуту начала XVII века.
О периоде Смуты	В дореволюционной историографии за началом XVII в. прочно закрепилось название «Смута», под которым понималось «общее неповиновение, раздор меж народом и властью». Однако происхождение и причины этого явления определялись по-разному. Современники событий, деятели церкви искали первопричины этих испытаний в духовной сфере, грехе гордыни, который явился искушением самовластья, соблазнившем православный народ. Согласно этой точке зрения, Смута – это кара за безбожную жизнь и одновременно мученический венец, давший народу возможность понять силу православной веры. С.М. Соловьёв считал Смуту результатом падения народной нравственности и борьбы казачества как антигосударственной силы против прогрессивных государственных порядков. К.С. Аксаков рассматривал Смуту как случайное явление, затронувшее интересы влиятельных людей, которые боролись за власть после пресечения династии Рюриковичей. Н.И. Костомаров обратил внимание на социальные причины Смуты, показывая, что в ней повинны все слои русского общества, но главной причиной считал интриги папства, иезуитов и польскую интервенцию. В.О. Ключевский изучал в основном социальные аспекты Смуты. По его мнению, общество находилось в состоянии социальной неустойчивости из-за борьбы всех его слоёв за лучшее для себя соотношение между обязанностями и привилегиями. С.Ф. Платонов тоже не рассматривал социальный кризис как причину и сущность Смуты. Он не считал определяющей для понимания этих явлений борьбу внутри господствующего сословия русского общества. В советской историографии термин «Смута» не использовался. Этот период определялся как социальный конфликт, центральное место в котором занимали крестьянская война под предводительством И. Болотникова и иностранная интервенция. В современной исторической литературе термин «Смута» используется достаточно широко, но в осмысление этих событий почти ничего нового, не привнесено, если не считать попытку связать события начала XVII в. с идеей первого системного кризиса российского общества, по своему развитию похожего на гражданскую войну.
О крепостничестве	Проблема крепостничества и крепостного права в России является одной из наиболее сложных в отечественной историографии. В.О. Ключевский считал крепостное право «сложным институтом, который трудно поддаётся точному определению». В дореволюционной историографии существовали «указная» и «безуказная» теории возникновения крепостного права. В советской исторической науке, начиная с Б.Д. Грекова, утверждается концепция постепенного зарождения и развития

	крепостного права со времён Русской Правды и через Судебники XV–XVI вв. до Соборного уложения 1649 г. В дальнейшем большинство историков относили начало этого процесса не ранее, чем к концу XV в. Некоторые из них в качестве компромисса стали использовать два понятия, вкладывая в них разный смысл: «крепостничество» – проявление внеэкономического принуждения на разных этапах феодализма и «крепостное право» – прикрепление крестьян к земле феодала, отразившееся в законодательстве. Роль крепостного права в России оценивалась неоднозначно. Подчёркивалось, что оно помогало государству в восстановлении и подъёме экономики, регулировании процесса колонизации огромной территории и решении внешнеполитических задач, но, с другой стороны, это явление консервировало на долгие десятилетия неэффективные социально-экономические отношения.
Об эпохе Петра I	Не только историки, но ещё современники Петра прямо противоположно оценивали личность царя, его преобразования, их характер и результаты. Для одних он был великим реформатором, превратившим Россию в мощную европейскую державу. Другие считали его отступником православия, Антихристом, насаждавшим матушке-Руси чуждые заморские порядки. В дальнейшем историки также неоднозначно оценивали Петра и его деятельность. Так, Н.М. Карамзин порицал царя-реформатора за попрание русских обычаев. Славянофилы утверждали, что Пётр своими реформами заставил Россию свернуть с естественного пути развития. С.М. Соловьёв и В.О. Ключевский, наоборот, давали однозначно положительную оценку его преобразовательной деятельности, приписывая все успехи, достигнутые как внутри страны, так и во внешней политике, кипучей натуре Петра. В XX в. поэт М. Волошин за крутую ломку всех устоев русской жизни назвал Петра «первым большевиком». Большинство советских и современных историков (например, наиболее известные специалисты по Петровской эпохе Н.И. Павленко и К.В. Анисимов) с некоторыми оговорками положительно оценивают преобразовательную деятельность Петра. Мнения историков расходятся по проблемам, связанным в основном с закономерным характером петровских преобразований: - в какой степени реформаторская деятельность царя была подготовлена всем предыдущим развитием России; - были ли реформы только реакцией на внешнеполитическую ситуацию или носили более целенаправленный и продуманный характер. В современной историографии дискутируется также вопрос: насколько цели реформаторской деятельности соответствовали человеческим, духовным и материальным жертвам, принесённым страной на алтарь преобразований?
Об эпохе дворцовых переворотов	С лёгкой руки В.О. Ключевского вторую четверть XVIII в. стали называть эпохой «дворцовых переворотов».

	В изображении русских и советских историков (С.М. Соловьёв, С.Ф. Платонов, Н.Я. Эйдельман и др.) этот период был значительным шагом назад в развитии русской государственности по сравнению с кипучей деятельностью Петра. Правительницы и правители этой эпохи в исторических трудах казались ничтожествами по сравнению с мощной фигурой царя-реформатора. В характеристику эпохи «дворцовых переворотов» входили представления об ослаблении абсолютизма, засильи иностранцев во времена обеих Анн, преувеличенной роли гвардии в решении политических вопросов, патриотических мотивах переворота Елизаветы Петровны. Бироновщина, например, трактовалась как особо свирепый режим, сходный с опричниной Ивана Грозного. В работах современных историков (Д.Н. Шанский, Е.В. Анисимов, А.Б. Каменский) намечается отказ от таких однозначных оценок, признание, хотя и противоречивого, развития русской государственности.
О Петре III	В дореволюционной русской историографии личность и деятельность Петра III единодушно оценивались крайне негативно. Этому долгое время способствовала официальная позиция властей в отношении Петра III. Советская историография вообще уделяла мало внимания личности монархов, считая степень их участия в управлении государством и их личные качества второстепенными в определении общей политики Российской империи. Попытки ряда современных отечественных и зарубежных историков придать личности Петра III более симпатичные черты, отмечая его увлечение игрой на скрипке и итальянской музыкой, любовь к живописи, простоту обращения с подданными и т. п., не могут, по всей видимости, изменить в лучшую сторону образ этого царя.
Об эпохе «просвещённого абсолютизма»	Большинство дореволюционных историков считали вторую половину XVIII в. «золотым веком» Российской империи и рассматривали это время как важный этап в развитии российской государственности и дальнейшей европеизации страны. В исторической литературе этот период русской истории также получил название «просвещённого абсолютизма». Так оценивали Екатерининскую эпоху, например, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, А. С. Лаппо-Данилевский. Более критичную позицию занимали В. О. Ключевский, А.А. Кизиветтер, В.И. Семевский. В исследованиях советских историков основное внимание уделялось продворянскому характеру политики правительства Екатерины II, усилению крепостного права и полицейских функций государства, сопротивлению крестьянства крепостнической политике самодержавия. «Просвещённый абсолютизм» Екатерины рассматривался как демагогия и лавирование в условиях разложения феодально-крепостнического строя. Современный взгляд на Екатерининскую эпоху освободился

	от «классового подхода» и стал более взвешенным, учитывающим характер эпохи. В частности, в работах А.Б. Каменского и Н.И. Павленко взгляд на этот период в истории России весьма близок к оценкам дореволюционных историков. Личность и деятельность самой Екатерины II, правившей Россией 34 года, оценивалась современниками и потомками также различно, порой даже диаметрально противоположно. Если нравственный облик императрицы в целом укладывается в слова В.О. Ключевского: «Проходим молчанием отзывы о нравственном характере Екатерины, которых нельзя читать без скорбного вздоха», то её вклад во внутреннюю и внешнюю политику вызывает споры по настоящее время. По-разному, например, трактуется понятие «просвещённого абсолютизма». Некоторые историки предпочитают называть его «просвещённым деспотизмом», а Екатерину – «просвещённым деспотом», и вообще ставится вопрос: применимо ли понятие «просвещённого абсолютизма» к правлению Екатерины? В годы правления Екатерины II своего наивысшего расцвета достигает имперский характер России. Среди историков ведутся споры, насколько империя как форма организации человеческого сообщества отвечала интересам её многонационального населения. Ряд историков считают, что империя являлась искусственным образованием, основанным на страхе покорённого населения и её военной мощи. Другие придерживаются прямо противоположного мнения, отмечая, что такая форма государственности подрывала национальную обособленность населяющих её народов и способствовала включению их в единый мировой процесс. Позднее император Николай I сказал: «Немец, финляндец, татарин, грузин – вот что такое Россия».
О Павле I	Большинство дореволюционных историков определяли этот период как «царство страха», когда борьба с сословными привилегиями привела к резкому ограничению элементарных человеческих прав, а порядок и дисциплина зависели от каприза самодержца. Политику Павла характеризовали как желание всё делать наперекор Екатерине. Ряд историков даже считали Павла Петровича сумасшедшим (С.Ф. Платонов, М.К. Любавский и др.). Хотя высказывался и прямо противоположный взгляд. Д.А. Милютин отмечал значение военных реформ Павла в наведении порядка в управлении армией. М.В. Ключков рисовал облик Павла как благородного рыцаря, защитника простого народа, которого невзлюбило дворянство. Некоторый романтический флёр личности Павла придавало его увлечение средневековым рыцарством, а также прямые аналогии между ним и шекспировским Гамлетом («русский Гамлет» – это о нём). Советская историография, отмечая эксцентричность в поведении Павла, отвергая дореволюционную точку зрения на широкий характер репрессий в отношении дворянства, в целом считала правительственную политику того времени продолжением

	прежней, продворянской и крепостнической, хотя и несколькими иными средствами (С.Б. Окунь). Н.Я. Эйдельман называл политику Павла «непросвещённым абсолютизмом». Ряд современных историков (Е.В. Анисимов, А.Б. Каменский) политику Павла рассматривают как противоречивую, а самого императора – как одну из самых загадочных фигур русской истории. Появились и явно апологические работы, например, Г.Л. Оболенского.
Об исходе Бородинского сражения	Мнения историков об исходе Бородинского сражения также были неоднозначны. Французский историк середины XIX в. Ж. Мишле считал, что победу одержала французская армия, хотя при этом отмечал, что она была неполной и Наполеон не воспользовался её плодами. Советский историк М.Н. Покровский писал, что русская армия в битве при Бородине смогла добиться лишь того, что не была разгромлена наголову. С.Б. Окунь, наоборот, считал, что Бородинское сражение явилось выдающейся победой России, а А.З. Манфред отмечал только нравственный характер победы русских войск. Нет единства во взглядах на исход Бородина и сегодня. И.А. Троицкий подчеркивает, что Наполеон не решил главной задачи при Бородине – не сумел окончательно разгромить русскую армию. Б.С. Абалихин придерживается взгляда о ничейном исходе Бородинского сражения. А.А. Васильев определяет исход битвы как тактическую победу французов.
Об Александре I	В русской и советской историографии главный спор вёлся по вопросам о том, насколько искренен и серьёзен был император Александр в своих либеральных устремлениях и какие цели он при этом преследовал; почему большинство из задуманных реформ первой четверти XIX в. не были реализованы. Причём, если дореволюционные историки во многом связывали крах реформаторской деятельности с господством рабских отношений в России того времени (В.О. Ключевский) или с личными качествами Александра (С.Ф. Платонов), то большинство советских историков полагали, что либеральные взгляды и планы реформ Александра либо являлись прикрытием консервативной политики, либо, в конечном итоге, служили укреплению крепостнических порядков. Так, С.Б. Окунь отмечал, что только конкретные обстоятельства в начале XIX в. заставляли царизм встать на путь внешнего либерализма и разговоры о неприемлемости самовласти должны были в итоге способствовать укреплению абсолютизма. Характерное для дореволюционной историографии противопоставление двух периодов правления Александра – либерального и консервативного – многие советские историки вообще отвергали (А.В. Предтеченский, Н.П. Еропкин, А.П. Бажова), считая политику правительства Александра в целом не менее реакционной,

	чем политика его отца. Современные же исследователи, в частности С.В. Мироненко, М.М. Сафонов, считают либерализм и увлечение Александра конституционными планами весьма серьёзными.
О восстании декабристов	Дореволюционные историки характеризовали восстание декабристов как мятеж, военный заговор или оценивали его как попытку верхушечного переворота группы молодых офицеров, целью которого было установление конституционной монархии, а радикальной части движения – даже и республиканского строя в России (Н.К. Шильдер, С.Ф. Платонов). В советской историографии военное выступление декабристов определялось как начало революционного движения в России. Согласно ленинской периодизации, это был первый, дворянский, этап революционного движения, закончившийся поражением из-за классовой ограниченности дворянских революционеров, которые были «слишком далеки от народа». М.В. Нечкина, Н.М. Дружинин и другие советские историки анализировали истоки, характер и причины поражения восстания 14 декабря 1825 г., основываясь на ленинской периодизации революционного движения. Позднее Н.Я. Эйдельман рассматривал восстание декабристов как своеобразную попытку «революции сверху», направленную на модернизацию России. Современные историки рассматривают движение в неразрывной связи с той частью русского общества первой четверти XIX в., которая осознала необходимость модернизации страны. На него повлияли те либеральные идеи, которые исповедовал в начале царствования Александр I, но которые остались пустыми разговорами, особенно нетерпимыми в условиях аракчеевщины. Отмечается также, что определённую роль в движении декабристов сыграл их романтизм и честолюбивые устремления (Е.В. Анисимов, А.Б. Каменский).
О Николае I	Время правления Николая I историки называют апогеем самодержавия (А.Е. Пресняков). Русская историография в целом определяла николаевское правление как консервативно-охранительное, при этом отмечая всё-таки стремление царя к определённой реформаторской деятельности. Причины же провала всех преобразований Николая виделись в опоре на бюрократию (А.А. Кизиветтер, А.А. Корнилов, С.Ф. Платонов). Советские историки однозначно трактовали николаевский режим как время самой свирепой и тёмной реакции, а царя – как тупого гонителя всякого прогресса (см., например, «История СССР с древнейших времён»). При этом за рамками исследования оставался анализ реальных возможностей правительства Николая I.

Об Александре II	Центральное место в дореволюционной историографии правления Александра II занимали реформы 60-70-х гг. XIX в. Большинство историков они оценивались положительно, характеризовались как либеральные и в исторической литературе получили название «великих». Очень популярна была книга Г.А. Джаншиева «Эпоха великих реформ», выдержавшая 8 изданий. О разных сторонах реформ писали К.Д. Кавелин, В.О. Ключевский, А.А. Корнилов, С.С. Татищев, Б.Н. Чичерин и многие другие. Самым фундаментальным трудом в дореволюционной историографии, посвящённым непосредственно крестьянской реформе, было шеститомное издание «Великая реформа», в написании которого принимали участие демократически настроенные историки В.Б. Бонч-Бруевич, С.П. Мельгунов и др. Уделяя много внимания различным аспектам крестьянской и других реформ, дореволюционные исследователи практически не рассматривали такой важный вопрос, как ход реализации реформ. Советская историография характеризовала преобразования, проведённые в 60-70-е гг., как реакцию на глубокий кризис крепостнической системы, рост крестьянских выступлений и называла реформы «буржуазными». «Буржуазные» реформы советскими историками рассматривались как важный этап трансформации феодальных отношений в капиталистические. В работах советского периода много внимания уделялось анализу социально-экономического положения России накануне отмены крепостного права, половинчатости и незавершённости реформ, разработке концепции «революционной ситуации» в 1859–1861 гг.; акцентировалось внимание на том, что реформы проводились крепостниками. Крупнейшим советским исследователем крестьянской реформы был П.А. Зайончковский, который на основе широкого круга источников в монографиях «Отмена крепостного права» и «Проведение в жизнь крестьянской реформы» значительно расширил представление о подготовке и реализации крестьянской реформы, ввёл в оборот новый фактический материал. Большинство современных историков рассматривают реформаторскую деятельность правительства Александра II как компромисс в условиях осознания большинством дворян бесперспективности и опасности следования прежнему внутри-и внешнеполитическому курсу.
Об Александре III	Большинство современников, близко знавших Александра Александровича, и дореволюционные историки, признавая небольшие умственные способности царя, отмечали наличие у него здравого смысла и чувства ответственности за Россию, но при этом некоторую чрезмерность и жесткость его внутривнутриполитического курса. В советской историографии правление Александра III рассматривалось как время самой тёмной реакции, подавления всякого свободомыслия, а сам царь – как тупой и ограниченный «держиморда».

	Современные историки объясняют политику контрреформ правительства Александра III тем, что, начав реформы, самодержавие не справлялось с их последствиями, а также страхом перед тем, что определённые уступки подданным в конечном итоге приведут к краху самодержавия (последнее, впрочем, относится и к политике Александра II). Но в сегодняшней исторической литературе можно встретить и прямую апологику деятельности Александра III.
О наличии в России начала XX в. империалистической стадии развития	Сама теория империализма была разработана В.И. Лениным, который отличал 5 признаков социально-экономического состояния общества, свидетельствующих об империалистической стадии его развития. Это: 1) концентрация производства и капитала, создание монополий, играющих решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с промышленным и образование финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир на сферы влияния; 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами. Ленин также определял империализм как паразитический, загнивающий, умирающий. Империализм представлялся как последняя стадия капитализма, канун социалистической революции, которая должна произойти не во всех странах одновременно, а в «отдельно взятой стране», являющейся «слабым звеном» в цепи монополистических стран. Вслед за В.И. Лениным вся советская историография доказывала наличие перечисленных выше признаков в России к началу XX в., подтверждая готовность страны к социалистической революции. Другая концепция, сложившаяся ещё в начале XX в. (Г.В. Плеханов, П.Б. Струве) и продолжающая развиваться в современной исторической науке, утверждает, что позиция В.И. Ленина носит субъективный характер. Теория империализма была необходима революционной партии, чтобы обосновать наличие в России объективных предпосылок социалистического переворота. Действительно, после экономического кризиса 1900–1903 гг. в России шла усиленная концентрация капитала и образовывались крупные синдикаты. Например, синдикат «Продамета» в 1904 г. контролировал 60 % сбыта металлургической продукции, «Продуголь» распоряжался почти всей угольной промышленностью, «Нобель-Мазут» – нефтяной. Монополии «Гвоздь» и «Продвагон» контролировали около 90 % соответствующей продукции. Однако, в отличие от стран Запада, где этот процесс шёл постепенно и монополистические объединения образовывались в ходе свободной конкуренции, российские синдикаты создавались при сильном государственном вмешательстве и затрагивали исключительно отрасли тяжёлой промышленности, стратегического

	направления. В целом же Россия в начале XX в. оставалась аграрной страной с многоукладной экономикой (на её долю приходилось 50 % мирового сбора ржи, 20 % – пшеницы и 25 % мирового экспорта зерна). Русские монополии играли важную, но далеко не определяющую роль в экономическом развитии страны.
О событиях 9 января 1905 г.	Подоплёка событий 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге, когда войсками столичного гарнизона была расстреляна демонстрация рабочих, пытавшихся по примеру либеральной интеллигенции и крестьянства вручить императору петицию со своими чаяниями, остаётся не совсем ясной. Часть историков – представители советской историографии – считает, что мирная демонстрация питерского пролетариата была расстреляна по личному приказу царя, чтобы в корне задуть революционное движение. Другая группа исследователей выдвигает версию о событиях 9 января как о провокации, устроенной революционерами с целью вызвать негодование действиями власти и подтолкнуть народные массы к бунту. В качестве доказательств этой гипотезы приводятся следующие доводы: отсутствие императора в столице, о чём объявили городские власти и о чём руководители рабочих кружков не сообщили самим рабочим; Г. Гапон и его приближённые также не довели до сведения ведомого ими пролетариата строгий приказ великого князя Владимира о запрете демонстрации; наконец, косвенным доказательством является то ликование в среде революционной эмиграции, которое было вызвано известием о трагических событиях в Санкт-Петербурге.
О социально-политической ситуации в России после Первой российской революции	Концепция советской историографии утверждает, что революция потерпела полное поражение, в стране установилась «третье-июньская монархия» и Россия в политическом отношении вернулась к дореволюционной ситуации – самодержавие осталось неизблемым. Дума стала бесправным придатком правительства. Русские рабочие, крестьяне и представители национальных меньшинств не получили ничего, кроме опыта революционной борьбы. Большинство современных западных и российских историков считают, что Манифест 17 октября 1905 г. принципиально изменил положение российских подданных, страна сделала важный шаг к конституционной монархии, царская власть перестала быть абсолютной. III и IV Государственные думы были избраны на основе не слишком демократичного закона, но стали более способны к конструктивной деятельности, чем две предыдущие. И хотя в ходе революции не были решены многие важные социальные вопросы, в этой сфере был сделан заметный шаг вперёд: правительство отменило циркуляр 1897 г. об уголовном наказании стачечников, были легализованы экономические забастовки, рабочий

	день сокращён до 9—10 часов, вводилась система договоров рабочих с предпринимателями, получено право создавать профсоюзные, кооперативные и страховые организации. В деревне была снижена арендная плата за землю, отменены выкупные платежи.
О влиянии Первой мировой войны на общественно-политическую ситуацию России	Этот вопрос не вызывает альтернативных подходов, однако представители многочисленных исторических школ акцентируют внимание на различных аспектах обозначенной проблемы. Так, советские историки рассматривают сложившуюся в России ситуацию исключительно с позиций её полезности для революции. Тяготы войны обострили социальные противоречия, не разрешённые правительством после революции 1905–1907 гг. Война дала оружие пролетариату и крестьянству, что облегчило проведение вооружённого восстания. Неудачное ведение боевых действий, затяжной характер войны и многочисленные человеческие жертвы способствовали падению авторитета власти, обострению классовых противоречий и росту недовольства в широких слоях населения. Все вышеперечисленные аспекты помогли революционной партии превратить «империалистическую войну в войну гражданскую». Не отрицая утверждений историков марксистской школы, современная историческая наука акцентирует внимание на нравственных аспектах проблемы. Анализируя документы той эпохи, исследователи приходят к выводу, что Первая мировая война вырвала миллионы людей из естественного окружения, превратила их в маргиналов, научила убивать. Человеческая жизнь обесценилась, люди привыкли к смерти и страданиям. Справиться с таким положением и вернуть народ к нормальной жизни мог только сильный социальный организм. Российское государство таковым не являлось. Ужасы войны привели многих видных политиков из либерального и революционного лагерей к мысли, что старый мир, породивший эти ужасы, исчерпал себя.
О характере, движущих силах и значении Октябрьской революции	Этот вопрос в большей степени, чем другие, носит идеологический характер. Поэтому в российской историографии до настоящего времени события этой эпохи не исследуются в совокупности, а субъективно отбираются сторонниками той или иной позиции для обоснования своей правоты. В общих чертах альтернативные концепции выглядят следующим образом. «Великая Октябрьская социалистическая революция – первая во всемирной истории победоносная пролетарская революция, совершённая рабочим классом России в союзе с трудящимся крестьянством под руководством Коммунистической партии во главе с В.И. Лениным. В результате революции была свергнута власть буржуазии и помещиков и установлена диктатура пролетариата в форме республики Советов... Великая Октябрьская революция явилась закономерным следствием общественного развития, классовой борьбы в условиях монополистического капитализма. Октябрьская революция, пролетарская по своему содержанию, была вместе с тем глубоко народной революцией» (Краткий

	политический словарь, М., 1983). Приход большевиков к власти представляется как результат безоговорочной поддержки их трудящимся большинством русского народа. Противники коммунистической идеологии выдвигают другую гипотезу развития октябрьских событий. Переход власти к большевистским Советам произошёл из-за слабости Временного правительства, которое не уничтожило большевизм в зародыше. Используя нерешительность правительства, большевистские заговорщики на полученные от германского Генерального штаба деньги развернули массовую пропаганду и деструктивную деятельность. Условную народную поддержку большевики получили, т. к. использовали популистские лозунги, отражавшие чаяния широких слоёв населения, обещали немедленное окончание войны, землю – крестьянам, фабрики и имущество буржуев – рабочим, а национальным меньшинствам – свободу выхода из империи. При попустительстве Временного правительства большевикам удалось создать многочисленные боевые дружины, которые вооружённым путём, вопреки воле большинства населения свергли, легитимную власть. Октябрьская революция явилась глубоко антипатриотическим актом, т. к. совершалась на немецкие деньги ради воплощения в жизнь идеи мировой революции, в жертву которой были принесены национальные интересы России.
О начале и окончании Гражданской войны	Этот вопрос не имеет однозначного ответа в русской и зарубежной историографии. Исторические школы и отдельные историки представляют свои варианты ответов. Перечислим лишь некоторые из них. Гражданская война в России началась: – в феврале 1917 г. – сторонники этой даты считают, что свержение самодержавия – единственно эффективной формы управления Россией – неминуемо привело к войне; – в августе 1917 г. – советская историография вслед за В.И. Лениным декларирует, что выступление генерала Л.Г. Корнилова явилось началом Гражданской войны буржуазии против пролетариата; – в октябре 1917 г. – историки из антикоммунистического лагеря полагают, что насилованный захват власти большевиками вверг Россию в Гражданскую войну; – 5 января 1918 г. – сторонники этой позиции считают, что разгон Учредительного собрания – органа, где различные политические силы могли договориться мирно, – подтолкнул страну к решению вопроса о власти силой оружия; – 3 марта 1918 г. – основываясь на документах, свидетельствующих о резком росте недовольства широких слоёв населения и особенно офицерства униженным мирным договором, сторонники этой версии считают, что Брестский мир обострил конфронтацию до предела; – 25 мая 1918 г. – мятеж Чехословацкого корпуса, когда впервые были образованы внутренние фронты, война приняла традиционные формы и стала делом профессионалов. Эти явления легли в основу версии группы советских историков о начале войны именно в это время.

	Существует ещё несколько версий, большинство российских и зарубежных историков более широко подходят к проблеме начала Гражданской войны в России. Опираясь на мировой опыт, они делают вывод о том, что не существует чёткой грани между гражданским миром и гражданской войной. Поэтому начало Гражданской войны рассматривается не как единовременный акт, а как процесс постепенного перехода от идеологических разногласий к открытым боевым действиям. Указанные события являются своеобразными вехами на пути конфронтации. Тот же подход используется при определении даты окончания войны. В советской историографии считается, что заключение перемирия с Польшей и победа большевиков над войсками П.Н. Врангеля (октябрь – ноябрь 1920 г.) завершили Гражданскую войну. Современные же историки полагают, что такие события, как выступление кронштадтских матросов (март 1921 г.), крестьянские восстания в Тамбовской губернии и в Сибири (1921–1922 гг.), являются ярким проявлением Гражданской войны. В контексте внутренних вооружённых столкновений рассматривается также оккупация Красной армией независимых государств Закавказья, Хивы, Бухары, Дальневосточной республики (1920–1922). Вооружённая борьба с большевиками на среднеазиатских окраинах продолжалась до 30-х годов.
О политике «военного коммунизма»	В историографии существует три основных подхода к изучению этой проблемы. Первый подход предполагает, что «военный коммунизм» – это попытка правящей партии, опираясь на основные постулаты своей идеологии, изложенные во Второй программе РКП(б) (март 1919 г.), насилъно ввести в стране коммунизм. Несмотря на отсутствие объективных предпосылок для перехода к социализму, было решено с помощью государственного принуждения (диктатура пролетариата) провести своеобразный социальный эксперимент над Россией: ликвидировать частную собственность, свободную торговлю заменить государственным распределением продуктов по принципу «Не трудящийся да не ест!», отменить денежную систему и т. д. Все эти мероприятия нужно было осуществить в кратчайшие сроки, чтобы после завершения мировой революции пролетариат других стран мог учесть российский опыт. Вторая трактовка выдвигает мнение о том, что «военный коммунизм» – это политика чрезвычайных мер, необходимых для удержания власти в ходе Гражданской войны. Первоначально планировался постепенный переход к социализму: не национализация частных предприятий, а установление рабочего контроля, не прямое распределение продуктов по карточкам, а только регулирование рынка государством ит.п. Однако условия войны: необходимость снабжения армии и городского пролетариата дефицитным продовольствием, саботаж буржуазии (отказ выполнять государственные заказы) – заставили государство ужесточить политику, провести «кавалерийскую атаку на капитал», вынужденно

	расширяя сферу своего вмешательства в экономику и социальную жизнь. Третья версия является своеобразным объединением двух предыдущих, усматривая в политике «военного коммунизма» как приоритет идеологии, т. е. командного регулирования общественных процессов в направлении поставленных задач, так и влияние объективных обстоятельств войны, которые ускорили принятие многих мер социалистической направленности.
О причинах перехода к новой экономической политике	В советской историографии нэп рассматривается как возврат к ленинскому плану перехода от капитализма к социализму, разработанному им в программном труде «Очередные задачи советской власти» (1918). Поэтому «новой» эта политика считается по отношению к «военному коммунизму», а не к плану строительства социализма в целом. Другая концепция утверждает, что нэп был введён большевистским руководством исключительно под давлением обстоятельств (восстания крестьян, Кронштадтский мятеж). В качестве доказательства приводится декрет ВЦИК и СНК от 29 ноября 1920 г. об обобществлении всех мелких кустарей и ремесленников, принятие которого говорит о том, что, несмотря на окончание крупномасштабных боевых действий Гражданской войны, большевики собирались и дальше проводить в стране политику «военного коммунизма». В подготовительных материалах к X съезду РКП(б) нет ни одного проекта резолюции о замене продразвёрстки продовольственным налогом. Следовательно, идея новой политики в отношении крестьянства окончательно созрела у Ленина в связи с восстанием моряков Кронштадта, и с соответствующим докладом он выступил только на седьмой день работы съезда. Обе позиции сходятся в оценке нэпа как политики, направленной на восстановление разрушенного хозяйства с помощью частного капитала и привлечения иностранных инвестиций, и определяют нэп не как стратегический курс, а как тактику «временной сдачи позиций буржуазии».
Об истоках и оценках сталинского тоталитарного государства	Образование в СССР тоталитарного государства, обоснованное в трудах большинства западных историков, а также в российской исторической науке 90-х годов XX в., описывается следующим образом. Закладка основ тоталитаризма началась ещё при В.И. Ленине. Всё многообразие хозяйственной, социальной, политической и культурной жизни России стало приводиться к единому образцу (унифицироваться) в первые же месяцы после захвата большевиками власти. «Кавалерийская атака на капитал» и национализация земли создали условия для подрыва института частной собственности, который является основой гражданского общества. Небольшое отступление в сторону экономической свободы, сделанное в годы нэпа, было заранее обречено из-за наличия в стране

всеохватного управленческого аппарата. Чиновники, воспитанные на коммунистической идеологии, готовы были в любой момент свергнуть нэп.

В политической сфере большевистская монополия на власть не пошатнулась и в годы нэпа. Напротив, именно в первые годы после Гражданской войны были окончательно ликвидированы все ростки российской многопартийности.

В самой правящей партии резолюцией X съезда РКП(б) «О единстве», принятой по инициативе В.И. Ленина, устанавливались единомыслие и железная дисциплина.

Уже при Ленине государственное насилие утвердилось как универсальное средство решения стоящих перед властью проблем. Остался и репрессивный аппарат.

НКВД унаследовал и развил все традиции ВЧК. В ленинском наследии важное место занимало утверждение господства одной идеологии. В первые месяцы после Октябрьской революции с закрытием небольшевистских газет коммунисты монополизировали право на массовую информацию. В начале нэпа созданием Главлита, высылкой инакомыслящей интеллигенции ит.п. правящая партия поставила под свой контроль всю сферу просвещения.

Таким образом, утверждают сторонники этой концепции, – **фундамент тоталитарного государства был заложен в России Лениным**, а сталинский режим стал органическим продолжением ленинской революции. Сталин довёл до логического завершения то, что было начато при Ленине.

Интересно, что этот подход историков-антикоммунистов полностью совпадает с оценкой роли Сталина в период его правления и соответствует лозунгу того времени: «Сталин – это Ленин сегодня!»

Иная точка зрения на роль Сталина и созданное им государство сформировалась в советской историографии после XX съезда КПСС и была реанимирована во второй половине 80-х, во времена «перестройки».

Сторонники этой оценки (Р. Медведев) утверждают, что Октябрьская революция и ленинский план построения социализма, начавший воплощаться в 20-е годы, должны были в итоге привести к созданию в стране справедливого социалистического общества, целью которого было постоянное повышение благосостояния всех граждан.

Однако, **узурпировав власть, Сталин предал идеалы Октября, сформировал в стране культ своей личности, нарушил ленинские нормы внутрипартийной и общественной жизни, сделав ставку на террор и насилие**. Не случайно во второй половине 50-х – начале 60-х годов появился лозунг: «Назад к Ленину!»

В настоящее время в историко-публицистической литературе авторами из так называемого «патриотического» лагеря (В. Кожин) выдвинута новая оценка деятельности Сталина.

По их мнению, В.И. Ленин ради интересов мировой революции разрушил Российскую империю, которая с отпадением Польши, Финляндии и Прибалтики потеряла значительные территории.

К власти вместе с Лениным пришли его ближайшие соратники – революционеры еврейской национальности (Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Я.М. Свердлов и др.), которые ликвидировали

	многовековой уклад российской жизни, превратив русское население в бесправные массы. Сталин, же, напротив, был патриотом и державником. Он физически уничтожил «ленинскую гвардию», установил в стране режим, по духу близкий к монархическому, и, вернув утраченные территории, воссоздал империю.
О вступлении СССР во Вторую мировую войну	С начала 90-х годов XX в., в связи с выходом в свет новых документов и материалов, в российской исторической науке началась дискуссия, продолжающаяся до настоящего времени. В ходе полемики определилось несколько подходов к изучению начала Великой Отечественной войны. Традиционная точка зрения, сложившаяся ещё в сталинское время, представляет эти события как вероломное нападение фашистской Германии, нарушившей пакт от 23 августа 1939 г. Цель немецкого нападения – «завоевание жизненного пространства» и ликвидация советского строя. Сокрушительные поражения Красной армии в первые месяцы войны объяснялись до 1956 г. вероломностью вторжения, а после XX съезда КПСС – ещё и просчётами Сталина в определении сроков агрессии и уничтожением в ходе массовых репрессий лучшей части офицерского корпуса Красной армии. Вторая концепция, сформировавшаяся в исторической науке в последние годы (В. Суворов, М. Мельтюхов), предлагает следующую трактовку событий. Выполняя ленинский завет о мировой революции, Сталин предполагал воспользоваться сложившейся в Европе ситуацией. В 1941 г. Германия, захватившая материк, вела ожесточённую войну с Великобританией. Надеясь на взаимное ослабление капиталистических соперников, Сталин готовил СССР к вторжению, чтобы «на штыках Красной армии принести социалистическую революцию в Европу». С этой целью была проведена скрытая мобилизация; войска, техника, военные склады стянуты к самой границе. Вооружения и военная доктрина носили наступательный характер, строительство новой оборонительной линии не проводилось за ненадобностью. Коммунистам европейского подполья через Коминтерн было дано задание вести соответствующую пропаганду. Зная об этих приготовлениях, Гитлер, чтобы спасти Германию и всю Европу от коммунистического вторжения, 22 июня 1941 г. нанёс превентивный удар. При разработке плана «Барбаросса» немецкий Генеральный штаб учёл недостатки расположения советских войск, их концентрацию у самой границы, что и явилось основной причиной поражений Красной армии на начальном этапе войны. В современной историографии споры идут о сроках: часть историков полагает, что начало вторжения Красной армии в Европу намечалось на июль 1941 г. и, следовательно, Гитлер опередил Сталина всего на пару недель. Другая версия – нападение планировалось на лето 1942 г. Третья гипотеза объясняет действия сталинского правительства соображениями безопасности (В.В. Невежин).

	Не отрицая наступательный характер расположения советских войск и военной доктрины, сторонники этой версии считают, что, зная о сосредоточении немецких войск у своих западных рубежей, советское командование собиралось нанести превентивный удар по частям вермахта, исходя из старого правила – «лучшая оборона – это наступление». Инициировать мировую революцию в Европе Сталин не планировал.
О роли сталинского режима в обеспечении победы в Великой Отечественной войне.	Этот вопрос носит идеологический характер. Доводы историков – сторонников сталинской политики заключаются в апологии «порядка», который дисциплинировал народ. Согласно этому направлению в историографии, только страх перед властью способствовал успеху. И если бы Сталин был не столь волевым и жестоким человеком, способным на любые жертвы, то СССР оказался бы поработённым фашистским агрессором. То есть победа стала возможной благодаря жёсткой власти. Сторонники альтернативной позиции (Б. Соколов) считают, что политика тоталитарного режима, когда оценка ситуации одним человеком и его воля были определяющими для почти 200-миллионного населения огромной страны, способствовала возникновению международного конфликта. Иными словами, если бы Сталин не пошёл на союз с Гитлером, тем самым развязав фюреру руки для нападения на Польшу, мировой войны могло бы не быть вовсе. В ходе Великой Отечественной войны проявилась традиционная сила русского народа, которую власть подавляла в мирное время, но из чувства самосохранения вынуждена была отпустить в пору тяжёлых испытаний. То есть советский народ вышел победителем вопреки тоталитарному режиму.

Полное название используемого справочника:

Барabanов В.В., Николаев И.М., Рожков Б.Г. История: Новый полный справочник школьника для подготовки к ЕГЭ / под ред. В.В. Барabanова. – М : АСТ, Астрель, 2016

Другие материалы к ЕГЭ по истории можно посмотреть на сайте

История (ЕГЭ) и кот Степан <http://historystepa.ru/>